

Вырезка из газеты

2 МАР 1976

КАЗАХСТАНСКАЯ
ПРАВДА

г. Алма-Ата

130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЖАМБУЛА

МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

ОН РОДИЛСЯ в трудный год, отмеченный в казахской степи ледяным джумом и кровавыми сражениями. Еще были живы Жуковский и Гоголь, Тургенев и Герцен, но акын ничего не знал о них: он был неграмотным.

Ученик прославленного Суюмбаева, он на всю жизнь запомнил совет старого певца: «Каждое твое слово должно резать, как кинжал. Но никогда не лидемерь. Черпай слова из своего сердца, как воду из колодца»...

Народ любил и ценил каждое слово акына, а баи и их приспешники ненавидели его. Както на одном из песенных состязаний — айтысов акын зло высмеял придворных певцов степного султана Шерездана. Тучный султан, задыхаясь от гнева, сказал:

— В большой байге мои лучшие скакуны отстали, а захудалый кедей-бшара пришел первым. Пусть же они два года не едят мяса, чтобы быть такими же голодными, как он.

Улыбнувшись, акын ответил султану новой песней:

«Продажную душу ни жаром, ни голодом не выправить. Только султан сможет заменить собою змею и шакала. Печенка никогда не заменит чистого пламени сердца»...

Залпы «Авроры» на берегах далекой Невы разбудили казахскую степь. Джамбул встретил Октябрьскую социалистическую революцию, когда ему было уже семьдесят лет. Кажется, пройдена вся жизнь, полная до краев и горя, и радости — всего не упомянешь. Потускнели за долгие годы глаза, ослаб голос, а с ним и голос неразлучной домбры.

Октябрь, круто изменивший судьбы родного народа, принес Джамбулу вторую весну. «Я услышал имя батыра Ленина и был свидетелем победного шествия Красной Армии, — позднее вспоминал он. — Вокруг меня закипела жизнь, о которой я пел в лучших своих песнях, как о золотом снегу».

Без малого двадцать восемь лет длилась послеоктябрьская,

советская жизнь великого акына. И в мирные дни, и в годы суровых испытаний его вдохновенные песни звучали на всех языках братских народов, они звали советских людей к победе в соиздательном труде и в тяжелых боях с фашистскими захватчиками.

Казахский акын отныне принадлежал не только своему народу, он стал выразителем дум и чаяний многонационального советского народа. «Песни Джамбула звенят в горах Армении таким же родным ручейком, как и в степях Казахстана», — писал известный армянский поэт Наирн Зарьян.

Достойный сын народа и неподкупный певец его, старый акын мог с полным правом сказать о себе: «Джамбул — это имя простое мое, народ — настоящее имя мое».

Песни, созданные им в годы Великой Отечественной войны, били ненавистного врага, как залпы «катюш», они вдохновляли и советских воинов, идущих в атаку, и ленинградцев, стойко и мужественно переносивших блокаду. Листочки с песней «Ленинградцы, дети мои!» были расклеены по всему заледеневшему, ираненному, но не сломленному городу

на Неве, вселяя в его защитников бодрость и уверенность в окончательной победе. «Нас, которым было так холодно, — писала Вера Инбер, — Джамбул согривал далеким солнцем своих степей».

Песни-отклики акына на радостные события с фронта публиковались в газетах рядом с оперативными сводками Совинформбюро. Отпечатанные на четвертушках серой бумаги в дивизионных типографиях, стихи тут же попадали к бойцам, вместе с ними уходили в атаку.

Читал их, конечно, и Алгадай. На исходе зимы сорок второго года сын прислал короткую весточку, где рядом с его именем стояли имена товарищей-фронтовиков. Были среди них русские и казахи, украинцы и татары, белорусы и узбеки... Они писали, что воюют хорошо и скоро, очень скоро погонят фашиста от берегов Волги на запад. Джамбул ответил гвардейцам вдохновенной песней. И хотя акын обращался с ней к Алгадаю, он видел перед собою крепких и ладных джигитов, написавших ему письмо. Теперь это были и его сыновья.

Почти в каждой своей военной песне он обращался к тем,

кто своим трудом в тылу и своими ратными делами на полях сражений ковал Победу.

*Край мой любимый,
родной Казахстан,
Весь поднимайся
на вражеский стан.*

*Сыновья! Нет дороги иной,—
Наступайте, волна за волной!*

*Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоет,
Пусть в бурлянии волжской
струи*

*И Джамбул свой голос
волет.*

Песня «Несокрушимая крепость», в которой Джамбул обращался к сыну Алгадаю, была пропета в октябре 1942 года. Бои в Сталинграде шли за каждую улицу и каждый дом. Высоко над городом медленно поднимались черные клубы дыма. Они тяжело уплывали за Волгу, в казахские степи.

О героической смерти Алгадая Джамбул узнал не сразу. В одной из песен, сложенных весной сорок третьего года, он дает отцовский наказ сыну храбро бить врага, но песня эта уже не нашла Алгадая. Пройдет еще много недель, прежде чем близкие люди акына решатся сообщить Жаке скорбную весть. В прощальной песне Джамбула звучат не только боль и скорбь, но и призыв к победе:

*Если воин за честь
своей Родины пал,
То могила его не черный
провал,*

*А курган светлой славы.
Разил он врага,
Значит, память о нем стране
дорога.*

*Говорю вам, сыны: смерть
за Родину — честь,
В этой смерти отблеск
бессмертия есть.*

Великий акын мечтал дожить до радостного дня Победы. Ликующей песней встретил он появившемуся светлое утро 9 мая 1945 года. Восемьдесят лет — целую эпоху служил он своей вдохновенной музой Родине и народу:

*«Кто в мире сильнее
и богаче моего народа?
Где в мире страна могучее,
свободнее, радостней
моей Родины?»*

*Я иду, и солнце бессмертной
дружбы народов освещает
мне путь, сердце мое поет
о рождении жизни...».*

О. МАЦКЕВИЧ.
Редкий снимок Джамбула.
1937 год. Каскелен Алма-Атинской области.